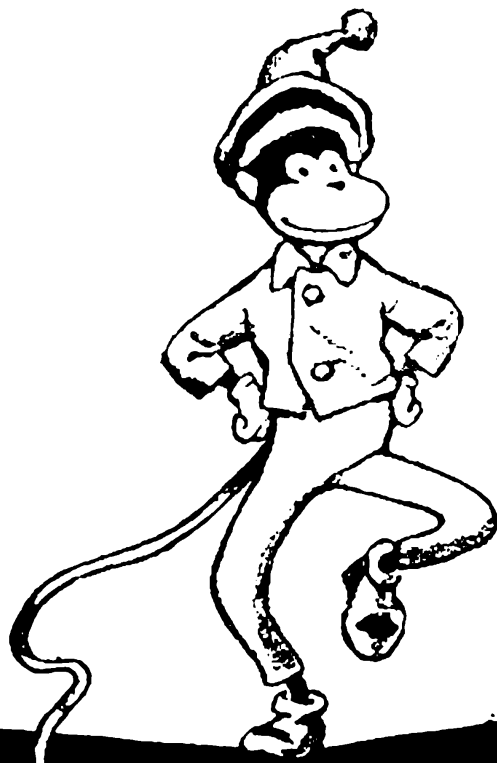

Юрий Магалиф

**ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ЖАКОНИ**

С К А З К А

Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1959

Рисунки Г. Валька

КТО ТАКОЙ?

Все кругом говорят: «Жаконя, Жаконя!..» А кто такой Жаконя, никто толком и не знает.

А Жаконя — это маленькая тряпичная обезьянка.

Вы, наверное, думаете: какие у неё могут быть приключения?

Ого!.. Сейчас я начну вам рассказывать про Жаконю. Да только боюсь, что даже к вечеру не закончу. Поэтому вы усаживайтесь поудобнее и слушайте не перебивая.

СНАЧАЛА БЫЛ ЖАКО

Капитан громадного и красивого парохода привёз из тёплых стран настоящую живую обезьянку. Звали её Жако. Очень смешная была эта обезьянка — маленькая, с длинным хвостом и с четырьмя руками (у неё на ногах виднелись в точности такие же пальчики, как и на руках, и поэтому ничего не стоило перепутать — где руки, а где ноги). Глаза у Жако были забавные: чёрные и, по-моему, плутоватые.

Жако оказался большим проказником, и держать его на пароходе стало просто невозможно! Ну сами подумайте: тут — машинное отделение, тут — рубка, тут — якоря, тут — мачты, три белые трубы с красными полосами и тут же — вот тебе раз! — обезьяна...

И хоть не хотелось капитану расставаться с Жако, но решил он подарить её одному своему знакомому — шестилетнему Мальчику.

Ах, как обрадовался шестилетний Мальчик, когда ему подарили настоящую хвостатую обезьяну! Он целыми днями играл с Жако.

Но обезьяне почему-то не нравилось играть с Мальчиком: она убегала от него, прыгала по книжным полкам и кусала переплёты Папиных книг, забиралась в буфет с посудой, а однажды ухитрилась даже залезть на шёлковый абажур висячей лампы!

Самое плохое было то, что Жако ничего не мог запомнить. Ему скажут: «Нельзя рвать скатерть!» — он на минутку перестанет, а потом снова принимается безобразничать. Или, например, только пообедал Жако, смотришь, прошло совсем немного времени, а он опять просит есть. Нет, совсем плохая память у обезьяны, что и говорить!

Наконец, родители Мальчика не выдержали и отдали Жако в цирк, дрессировщику Юрию Дурову. Шестилетний Мальчик сперва огорчился, что его разлучили с обезьяной, и даже немного поплакал, но потом всё же успокоился и вытер слёзы — ведь ему исполнилось шесть лет: в будущем году он собирался идти в школу, так что плакать уже не полагалось...

ПОЯВЛЯЕТСЯ ЖАКОНЯ

Через несколько дней Мальчик сказал своей Маме:

— Знаешь, я всё-таки сильно скучаю по нашему Жако. Ах, как я скучаю!

Мама пошла в магазин, чтобы купить там игрушечную обезьянку, похожую на настоящую. Но, к сожалению, в магазине такой обезьянки не нашлось.

И тогда Мама сшила из кусочков меха, фланели и коричневого сукна маленькую-премаленькую забавную обезьянку, которая настолько походила на Жако, что её даже и называли точно так же: «Жако».

Но так как, во-первых, она была совсем крохот-

ная, а во-вторых, появилась на свет не заграничной, а у нас, в русском доме, то со временем наивнаты ее стали ласково и чисто по-русски — «Жаконю».

Жаконю нарядили в красную курточку и синие узкие штанишки, из которых высовывался длиннющий хвост, сделанный из коричневого шнура, и внутри шнура была вставлена проволока. На голову Жаконю не надели вязаную шапочку, на ноги — ватные башмачки... Словом, одет он был тепло, потому что уже боился холода, как и всякая обезьяна.

И Г Р А Ю Т

У шестилетнего Мальчика было много игрушек — и сабля, и кубики, и заводной автомобиль, и конь-качалка... Но больше всего ему нравился Жаконя!

Мальчик не расставался с обезьянкой. Он усаживал Жаконю в заводной автомобиль и катал его по всей квартире; он ставил в уголке игрушечную мебель и играл с Жаконей в «гости»; потом научил Жаконю ездить верхом на деревянном коне. Иногда они играли в «школу», и Мальчик сердился на Жаконю за то, что тот не хотел учить сказку про глупого мышонка.

Но всё-таки обезьянка доставляла много удовольствия Мальчику. И, глядя, как они весело играют, радовались Мама и Папа этого шестилетнего Мальчика.

ЖАКОНЯ ОТПРАВЛЯЕТСЯ В ПУТЬ

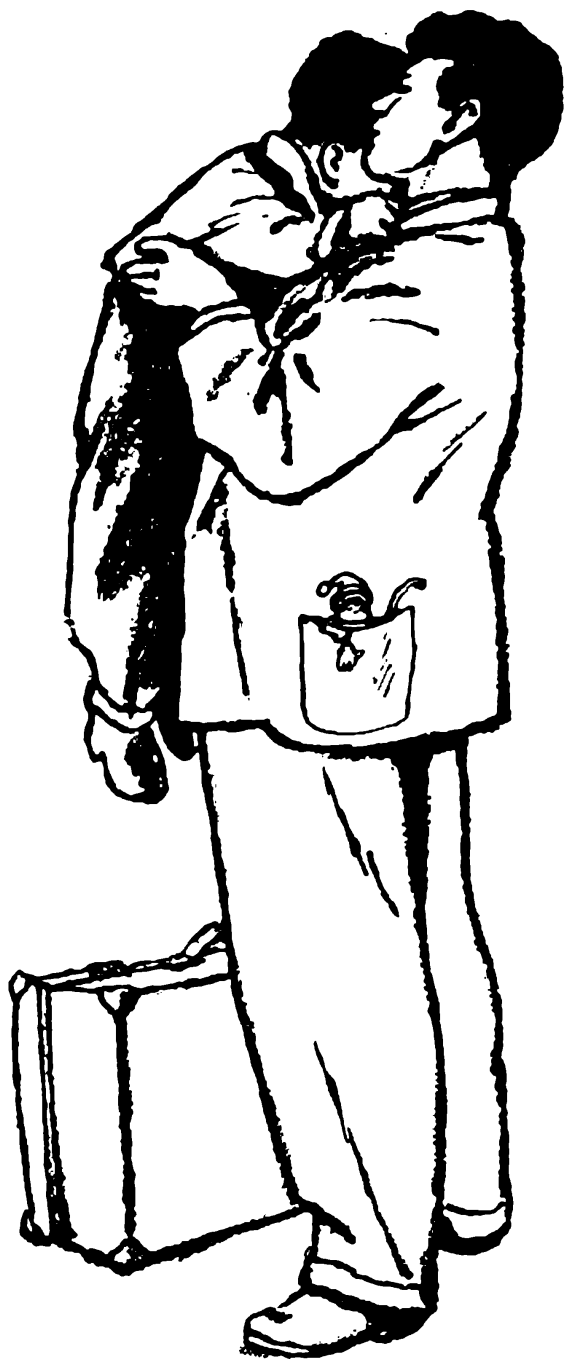
Я позабыл вам сказать, что Папа шестилетнего Мальчика был офицер. Во время войны он храбро воевал с фашистами, но ведь, как вы знаете, война давно кончилась. И вот однажды Папу вызвал к себе его начальник.

— Вы очень хороший офицер, — сказал он. — Наш народ никогда не забудет ваших геройских подвигов. Но теперь время настало мирное, воевать никто из нас не собирается. Поэтому вы можете снять свою военную форму и начать работу на каком-нибудь заводе или в деревне — где захотите.

Папа решил поехать на работу в Сибирь. Туда ехали люди со всех концов страны, чтобы строить большие города, новые заводы, сеять пшеницу, добы-

вать из-под земли каменный уголь. Да мало ли там всякого дела!

Пришёл Папа домой, снял с себя офицерский мундир и повесил его в шкаф — пусть висит...

Потом Папа надел полосатую рубашку с галстуком, пиджак и стал собираться в дальнюю дорогу.

В Сибирь он поехал пока что один, без семьи. Решено было, что Мальчик с Мамой приедут туда будущей весной, когда Папа приготовит им квартиру.

Очень грустили отец с сыном прощаясь. И Мальчик сказал Папе:

— Подари мне что-нибудь на память.

— Что же тебе подарить? — отвечал отец. — Вот что: я подарю тебе дорогую для меня вещь — красную звёздочку со своей старой офицерской фуражки. Согласен?

— Ещё бы! — воскликнул Мальчик.

— А ты мне что подаришь на память? — спросил Папа.

— А я тебе подарю... — Мальчик задумался. — А я тебе тоже подарю самую дорогую для меня вещь — Жаконю! Хочешь?

Папа крепко обнял сына: он знал, как любил Мальчик свою игрушку.

Красную звёздочку прикрепили на куртку шестилетнего Мальчика, Жаконю положили в карман Папиного пиджака. И все поехали на вокзал, откуда уходил поезд в Сибирь.

Путешествие началось.

, ОЙ, КУДА МЕНЯ ВЕЗУТ?..“

Пять суток ехал Папа в поезде.

Жаконя лежал себе в кармане без забот и без хлопот и почти всю дорогу сладко спал. Во сне он видел Мальчика и его игрушки — саблю, заводной автомобиль, коня, кубики...

Иногда Жаконя просыпался и слушал разговор людей в поезде. Люди беседовали между собой:

— В Сибири, конечно, хорошо жить. Да вот только холодно очень.

— Это что и говорить!.. Морозы там бывают такие сильные, что даже дышать трудно...

«Ой, куда же это меня везут? — думал Жаконя. — Ведь замёрзну я там! Я же, как-никак, обезьяна, мне нужно обязательно жить в тепле. Ой, погибну я там, в Сибири. Обязательно погибну!..»

«Не погибнешь никогда-никогда-никогда», — стучали колёса под вагоном.

«Не бо-о-ойся!» — пел паровозный гудок.

А Жаконе уже казалось, что он умирает; он хва-

тал себя за лоб и прикладывал руку к сердцу. Но лоб у него был суконый, а сердце тряпичное и поэтому ничего нельзя было разобрать.

Вот наконец поезд замедлил ход, и все стали готовиться к выходу.

— Это Сибирь? — спросил Папа у кондуктора.

— Сибирь-матушка! — ответил кондуктор.

«Сейчас мы выйдем на улицу, и я, наверное, сразу же простужусь и умру», — подумал Жаконя и, схватив лежащий рядом с ним в кармане Папи носовой платок, словно шарфом обернул им себе шею.

РАЗВЕ ЭТО СИБИРЬ?

Но, когда они вышли из вагона, Жаконя услышал, как Папа сказал:

— Ах, какая великолепная погода! И как здесь тепло! Даже не похоже на осень.

Жаконя потихоньку выглянул из кармана и зажмурился — до того сильно ударили ему в глаза тёплые солнечные лучи.

Папа снял шапку, и озорной ветерок растрепал его волосы. Высокие деревья тихо шелестели золотистой осенней листвой. В ярко-синем небе летела цепочка журавлей. На полях гудели комбайны — там убирали урожай. А вдали, по самому горизонту, тянулись ряды высоких гор.

— Хорошо! — воскликнул Папа. — До чего же красивый край эта Сибирь!

А Жаконя подумал: «Наверное, нас обманули и привезли не туда, куда нужно. Все говорили, что в Сибири холодно, а здесь пока что тепло! Да разве это Сибирь?»

ВСЁ ЕЩЁ В ДОРОГЕ

Но это в самом деле была Сибирь. Только не знал Жаконя, что в Сибири осенью всегда стоит хорошая погода.

Жаконя надумал было прогуляться по такой погоде и почти совсем уже вылез из Папиного пиджака, но паровоз вдруг закричал: «Ку-у-уда?» — и Жаконя в испуге залез обратно в карман.

Поезд помчался дальше.

А Папа и ещё несколько мужчин сели в грузовик и поехали в деревню, около которой собирались строить большой завод.

Грузовик бежал мимо полей, потом через мостики над быстрыми ручейками, потом по лесу, который в Сибири зовётся тайгой, потом вдоль берега широкой реки, где рыбаки тянули сети с рыбой...

Очень интересно было ехать в грузовике! Но Жаконя опять задремал и проснулся, когда уже подъезжали к деревне.

СТАЛИ ЖИТЬ У СТАРУШКИ

Папа с Жаконей поселились в избе у Старушки.

Изба была чистенькая, весёлая, сделанная из жёлтых сосновых брёвен.

Кто бы ни проехал по улице мимо такой славной избы, обязательно говорил: «Наверное, здесь живут аккуратные, хорошие люди!..»

А Старушка и вправду была очень аккуратная и добрая. У неё жили корова Зоренька, пёс Черныш и три сибирских кота — Васька, Фомка и Дымка. Зо-

ренька давала молоко, Черныш сторожил дом, а коты где-то бродили и, кажется, никаким важным делом не занимались.

СКУЧАЕТ ЖАКОНЯ

Вы уже знаете, что рядом с деревней начинали строить завод. И Папа с утра уходил туда, где люди экскаваторами копали землю, круглыми пилами резали доски, складывали из кирпичей длинные стены.

На строительстве было много грузовых автомобилей — на них возили железо, цемент, песок и всё, что нужно для постройки большого завода. В свободное от работы время грузовики находились в гараже, и начальником этого гаража был Папа. У начальника всегда много разных забот, много дел, но Папа, хотя и уставал иногда, трудился с удовольствием.

А Жаконя целыми днями валялся на Папиной кровати и скучал.

Правда, к Старушке часто приходила в гости её внучка, Гутя, и играла с Жаконей. Но это ему не нравилось — он всё боялся, как бы Гутя не испачкала его красную курточку и модные узкие штанишки. Между нами говоря, напрасно он этого боялся: руки у Гуты всегда были чистые, недаром же её избрали в школе в санитарную комиссию!

Вечером, когда Папа возвращался с работы, он сажал Жаконю себе на ладонь и подолгу смотрел на него, задумавшись о чём-то.

«Ну что он смотрит на меня? Никогда не видал, что ли?» — сердился Жаконя.

А однажды Папа вздохнул, потом оглянулся и, увидев, что в комнате никого нет, нежно поцеловал Жаконю в нос.

«Вот ещё глупости!» — подумал Жаконя и чихнул с досады.

Тряпичной обезьянке не нравилось, что Папина одежда вся пропахла бензином; не нравилось, что руки у Папы шершавые, мозолистые...

«Ох! — вздыхал Жаконя. — Зачем только мы сюда приехали! Здесь так скучно. Мне ни капельки не интересно играть с этой девчонкой Гутей и развлекать после работы Папу... Ведь я не обыкновенная обезьяна, а тряпичная! И от скуки я просто могу лопнуть по швам!»

ЗИМА НАСТУПИЛА

Осень кончилась, и наступила зима. Затрещали морозы. Всё вокруг занесло снегом: и лес, и поля, и

Старушкину избу, и хлев, где стояла Зоренька, и будку, где жил Черныш...

Коты перестали бродить и целыми днями грелись на печке, косясь на Жаконю.

А тот лежал, как всегда, на Папиной кровати, разглядывал потолок и удивлялся: почему это в избе тепло, а на улице, как говорят, холодно? На котов он не обращал внимания.

Папа каждый день по-прежнему ходил на строительство завода. Морозы были Папе нестрашны.

Н О Ч Ь Ю

Однажды ночью Жаконя проснулся и увидел, что во тьме мерцают шесть зелёных огоньков. Жаконя даже испугался: что бы это такое могло быть?

А огоньки бесшумно двигались по избе, то приближаясь к Жаконе, то отдаляясь.

Тут в окошко заглянула полная луна, осветила избу, и Жаконя понял, что зелёные огоньки — просто-напросто кошачьи глаза.

Коты, осторожно ступая мягкими лапами, ходили вокруг стола и беспокойно озирались.

— Все спят, — сказал один кот.

— А обезьяна? — спросил другой.

— Наверняка спит! — усмехнулся третий. — Этот парень готов спать круглые сутки.

Жаконя хотел было крикнуть: «А вот и неправда, а я и не сплю!», но в это время кто-то из котов прохрипел:

— Пусть только попробует проснуться, я ему мизинцем хвост отгрызу!

Жаконя в ужасе замер.

А коты присели на задние лапы и вдруг, сильно оттолкнувшись от пола, вскочили на стол.

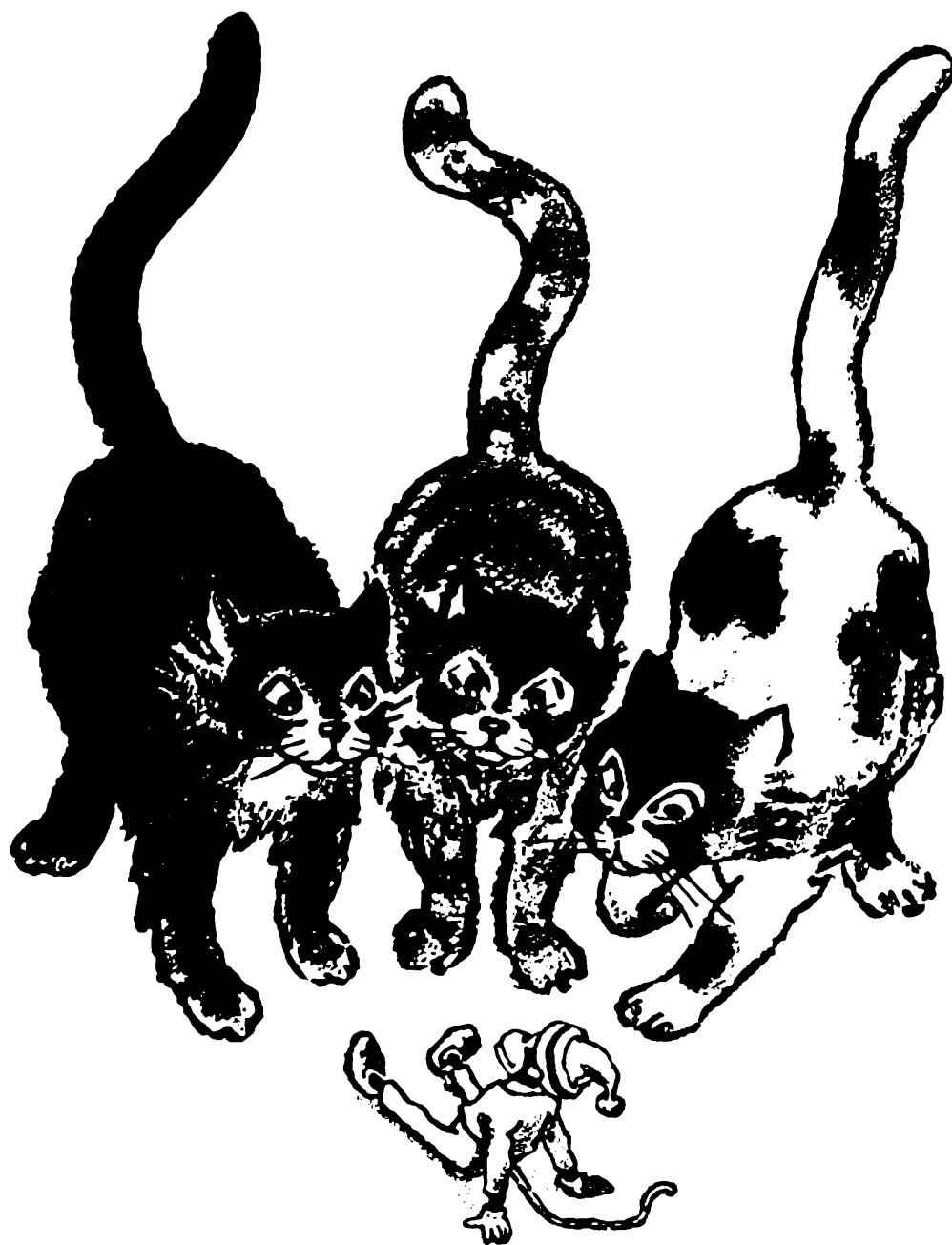
Глухо урча, они сунули свои широкие, усаые морды в миску со сметаной, которую Старушка позабыла убрать на ночь в шкаф.

Жаконя знал, что эта сметана оставлена специально для Папы, чтобы он мог утром как следует позавтракать. Однако разбудить Папу Жаконя побоялся — ведь коты пообещали, в случае чего, отгрызть ему хвост!..

ОПАСНОЕ ЗНАКОМСТВО

Коты съели почти всю сметану, спрыгнули со стола и, облизываясь, пошли к своей печке. Но вдруг один из них взглянул на Жаконю и фыркнул:

— Смотрите, ребята, обезьяна-то не спит!

— А-а! Подглядывать за нами?! Ш-ш-шшш-нить?!. — зашипели коты. — Ну погоди же!

Самый большой кот с разбегу вскочил на кровать и сбросил Жаконю на пол:

— Хватай его, ребята!

Жаконя так перепугался, что позабыл, где у него руки, где ноги, где голова, где хвост, и, вместо того чтобы сказать «здравствуйте», сказал «спасибо».

Коты обнюхали обезьянку со всех сторон, но кусать её почему-то не начинали.

«Может быть, обойдётся, и я буду цел?» — подумал Жаконя.

— Отгрыз бы я тебе, парень, хвост, да аппетита нету, — сказал один кот.

— Съел бы я твою заднюю ногу, парень, да после сметаны не хочется, — сказал другой.

— Расцарапал бы я тебе нос, парнишка, да когти не наточены, — сообщил третий.

Жаконя понял, что в эту ночь его не растерзают, и от радости перекувырнулся через голову. Коты рассмеялись.

«Ну, раз они смеются, значит, теперь я спасён окончательно», — решил Жаконя и почесал левой ногой правое ухо.

— Ишь ты! — сказали коты. — Вот это по-нашему!

— Я и на голове умею стоять! — похвастался Жаконя.

— Ловко! — удивились коты. — Ты, может быть, артист?

— Артист, — кивнул головой Жаконя и поклонился.

— Ну, вот что, артист, — сказал самый толстый кот. — Съесть тебя мы всегда успеем, а пока что давай знакомиться; ведь артистов в нашей деревне не часто встретишь...

— С удовольствием познакомлюсь с вами! — воскликнул Жаконя и, приподняв кончиком хвоста свою шапочку, крепко пожал одновременно двумя руками и одной ногой три мягкие кошачьи лапы. —

Жако моё полное имя, а ласкательно будет Жаконя!

— Меня зовут Васька, — проворчал самый толстый котик.

— А меня — Фомка, — промурлыкал другой, поменьше.

— Дымка, — мяукнул третий, самый маленький.

— Я очень счастлив! Очень счастлив! — отвечал Жаконя. — Наконец-то у меня будут знакомые, а то я просто умираю со скуки.

Б Е С Е Д А

Все в эту ночь сладко спали — и Папа, и Старушка, и корова Зоренька, и пёс Черныш. Только Жаконя и коты сидели на полу, озарённые голубым лунным светом, и беседовали.

— Я родился, вырос и получил образование в большом городе на берегу моря! — хвастался Жаконя. — У нас была чудесная квартира с центральным отоплением. Я каждый день катался в собственном заводном автомобиле. В свободное время я изучал сказку о глупом мышонке.

— Должно быть, это очень вкусная сказка! — заметил кот Дымка и облизнулся.

— Д-да... Недурно написано, недурно. Когда-нибудь я обязательно расскажу её вам.

— А собаки в городе есть? — спросил Фомка.

— Кажется, есть, — ответил Жаконя. — Лично я не имел собак, мне они не нравятся.

— Это верно, хорошего от них не жди, — согласились коты.

— А скажи, парень, зачем ты приехал сюда, в Сибирь? — спросил Васька.

— Теперь многие едут в эти края, — объяснил Жаконя. — И мне было просто неловко отставать от людей. Ведь я не простая, а че-ло-ве-ко-об-раз-ная обезьяна! Говорят, что у меня есть даже способности! Так, во всяком случае, говорил шестилетний Мальчик... Смотрите, как я умею танцевать!

И Жаконя, притопывая, смешно закружился на месте, шаркая по полу своим длинным проволочным хвостом.

— Видите! Вот как я умею! И, знаете ли, не могу я теперь решить, что мне делать здесь, в Сибири, чем заняться. Ох, кому здесь нужны мои способности!..

— Но ведь ты развлекаешь людей, — сказал Васька, — им это нравится.

— Подумаешь! — пожал плечами Жаконя. — Пусть люди развлекаются сами. А я мог бы совершить в жизни что-нибудь более нужное.

Коты переглянулись между собой и подмигнули друг другу.

СТРАШНАЯ ПЕСНЯ

— Что ж, — сказал Васька, — я думаю, что ты можешь принести пользу нам, котам. И мы примем тебя в нашу компанию. Ребята мы храбрые, отчаянные, с нами не пропадёшь.

— Я могу съесть полкилограмма мяса и не поперхнусь! — сказал Фомка.

— А я могу вылакать пол-литра молока и не захлебнусь! — сказал Дымка.

— А я могу съесть целый килограмм мяса и выпить целый литр молока! — сказал Васька.

— Впервые в жизни я слышу о таком аппетите! — поразился Жаконя. — Но где же вы достаёте мясо и молоко?

— Вор-р-руем! — хором мурлыкнули отчаянные коты.

— Но ведь воровать некрасиво! Шестилетний Мальчик мне однажды говорил, что коты... — Жаконя запнулся.

— Что же говорил тебе твой шестилетний Мальчик? — спросил Фомка, пристально глядя в глаза Жаконе.

— Он говорил... он говорил, что коты должны ловить мышей и крыс! — ответил Жаконя.

— Ха-ха! — засмеялся Васька. — Может быть, другие коты и занимаются таким скучным делом, но мы — ребята храбрые, отчаянные — предпочитаем воровать!

И хриплым голосом он затянул песню:

Мы крадёмся по тёмным чуланам,
Мы гуляем в сырых погребах,
Где в горшочках белеет сметана
И где мясо висит на крюках!
Целый день мы храпим возле печки,
Но лишь полночь пробьёт на часах —
Зажигаем зелёные свечи
В наших круглых, бесстыжих глазах!..

Дымка и Фомка подхватили припев:

Эй, коты! Эй, коты!
Распушите хвосты!

Наши зубы скрипят!
Наши когти торчат!..
За добычей! Смелее, коты!..

Жаконя затаив дыхание слушал эту песню, и ему сделалось страшно...

К Л Я Т В А

Коты орали так громко, что едва не разбудили Папу: он беспокойно повернулся на кровати с боку на бок и тяжело вздохнул — наверное, ему приснилось что-то грустное.

Когда всё стихло, Жаконя прошептал:

— Кто же сочинил эту песню?

— Я! — гордо сказал Фомка.

— И я! — мяукнул Дымка.

— Замечательно! — восхищённо сказал Жаконя.

— Если хочешь, мы и про тебя сочиним.

— Конечно, хочу. Только, право, я недостойн... — Жаконя смутился.

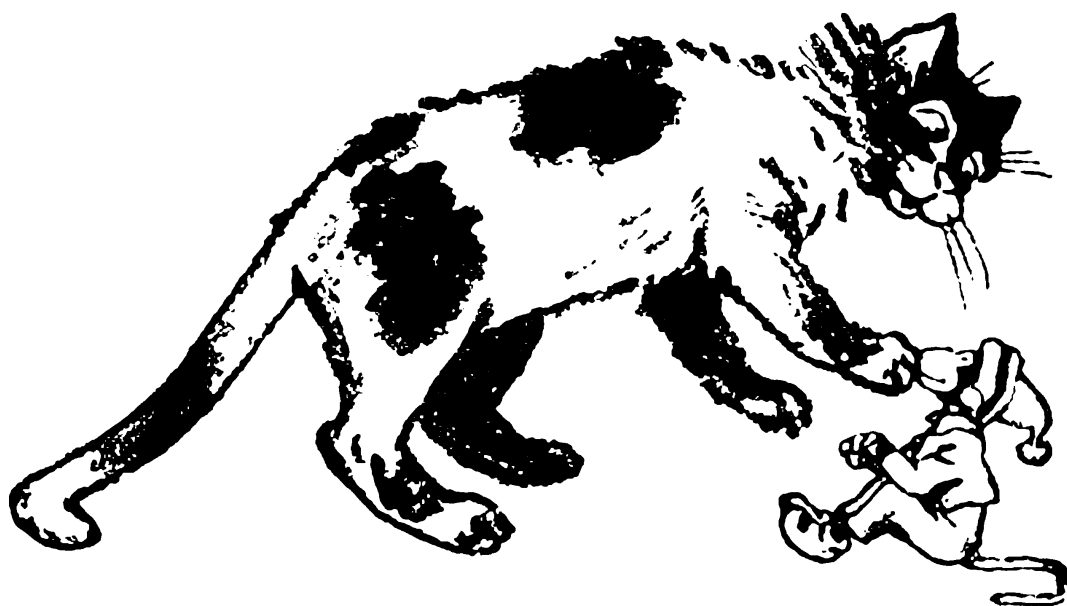
— Ничего! Ты будешь теперь в нашей компании, и мы сочиним про тебя песню, которую споём в марте на наших концертах. Пусть все знают, кто такой Жаконя!

— А если тебе когда-нибудь потребуется наша помощь, то крикни погромче: «Коты, ко мне!», и мы сразу же прибежим на выручку!

Жаконе всё это очень понравилось.

«Ах, какие симпатичные эти коты! — думал он. — Настоящие друзья! Просто счастье, что я познакомился с ними».

— Перейдём к делу, — сказал Васька. — Значит, ты хочешь стать нашим товарищем?

— Хочу!

— Тогда клянись!

— Клянусь!

— Молодец, парень! — ухмыльнулся Васька. — А теперь эту клятву надо ещё скрепить сметаной. Дымка! Живо на стол!

В одно мгновение Дымка очутился на столе и обмакнул лапу в остатки сметаны. Соскочив на пол, он провёл этой лапой по Жакониным губам, щекам и носу.

— Эту сметану, — сказал Васька, — ты не должен стирать с лица до тех пор, пока не проснутся люди и не посмотрят на тебя. Понял?

— Понял, — сказал Жаконя и сморщил нос, потому что терпеть не мог запаха сметаны.

... Луна с сожалением смотрела через окно на тряпичную обезьянку, окружённую тремя наглыми котами. Луна понимала, что Жаконя подружился с нехо-

рошими товарищами, и от огорчения скрылась за густое облако. В комнате стало темно.

— Но если ты нарушишь клятву, — прохрипел Васька, — то смерть тебе!

— Смерть! — повторили коты и исчезли во мраке ночи.

У Т Р О М

Эта ночь кончилась, и наступило утро.

Жаконя, вымазанный сметаной, неподвижно сидел на холодном полу.

Папа проснулся, встал с кровати и возле своих ног увидел обезьянку. Он не сразу догадался, почему она так странно запачкана, но, посмотрев на стол, Папа понял всё.

Осторожно ухватив двумя пальцами Жаконю за шиворот, Папа строго спросил:

— А ну-ка, молодой человек, говори: куда девалась сметана из миски? Сам съесть столько сметаны ты, конечно, не мог, это ясно. Но, наверное, знаешь, кто её съел. Кто тебя измазал?

Жаконя молчал.

— Отвечай!

Но Жаконя словно воды в рот набрал.

Вы думаете, Жаконя молчал оттого, что тряпичные обезьянки вообще не умеют разговаривать с людьми? Может быть, и так. Но главным образом он молчал потому, что боялся нарушить клятву.

Вскоре и Старушка проснулась. Узнав, в чём дело, она удивилась: не могла же такая маленькая обезьянка съесть целую миску сметаны!

— Конечно же, это сделал кто-то другой! — ска-

зал Папа. — Но Жаконя знает, кто сделал это, и молчит. Вот что плохо! Придётся тебя, мой милый, наказать. Я тебя...

Папа не успел сказать, как именно он собирается наказать Жаконю, потому что в этот момент скрипнула дверь, и в избу вошла девочка Гутя.

Когда ей объяснили, что здесь произошло, девочка не рассердилась на Жаконю, а попросила у Старушки тёплой воды, вымыла его хорошенько и, укутав мягким платком, уложила на кровать. Потом Гутя сказала:

— Не надо его наказывать. Ведь он маленький, глупый... Подождите, подрастёт Жаконя, поумнеет и сам поймёт, что надо всегда быть честным и правдивым!

Ах, как обиделся Жаконя, услышав, что какая-то девчонка назвала его глупым! Только этого ещё не хватало! И он тут же решил никогда не играть с Гутей.

«Ничего, ничего, — мечтал Жаконя, — скоро я буду знаменитым! Скоро мои друзья коты сочинят про меня прекрасную песню и будут распевать её повсюду. Тогда все вокруг узнают про Жаконю!»

Так он мечтал, мечтал и заснул.

Заснул, несмотря на то что начинался день и все вокруг принимались за дела.

Папа отправился на работу в свой гараж. Старушка пошла доить Зореньку и кормить Черныша. Гутя побежала в школу.

А в тёплой, чистенькой избе, освещённой солнцем, сладко спали коты на печке и Жаконя на кровати...

„ЭХ, ЖАКОНЯ, ТЫ, ЖАКОНЯ...“

Прошла неделя, потом другая...

Каждую ночь Жаконя просыпался и нетерпеливо ждал свидания со своими приятелями — Васькой, Фомкой и Дымкой. Но коты не появлялись — они где-то бродили по ночам.

«Наверное, сочиняют песню про меня», — думал Жаконя.

И вот наступила ночь, когда во тьме опять сверкнули шесть зелёных огоньков.

Жаконя от радости кубарем свалился с кровати.

— Готово? — спросил он у котов.

— Ты это про что?

— Я спрашиваю: сочинили песню?

— Ах, пе-есню... — протянул Фомка и почесал себе брюхо. — Нет, песня ещё не готова.

— Это, брат, штука серьёзная, — заметил Дымка.

— Да-а, непростая! — поддакнул Васька. — Тут тебе не «мур-мур» да «фыр-фыр». Тут соображать надо.

— Ну хоть немножечко-то сочинили? — жалобно спросил Жаконя.

— А как же! — сказал Фомка. — Немножечко сочинили. Начало есть. Вот слушай...

Фомка закинул назад свою усатую хитрую морду, посмотрел в одну сторону, потом в другую, зачем-то кинул взгляд на потолок (как это делают многие артисты-певцы) и завыл:

Эх, Жаконя, ты, Жаконя,
Удалая голова!..

— Замечательно! — подпрыгнул от восторга Жаконя. — А дальше?

— А вот дальше ещё не придумали.

— Всё равно — начало очень хорошее! Как вы тонко подметили: «удалая голова!» Совершенно справедливо! Именно — удалая!..

— Значит, нравится песня? — спросил Васька.

— Очень нравится! Я хочу её выучить наизусть... «Ах, Жаконя, ты, Жаконя...»

— Не «ах, Жаконя», а «эх, Жаконя», — поправил Дымка.

— «Эх»? Ладно. «Эх, Жаконя, ты, Жаконя, удалая...»

— Вот что, парень, — перебил Васька, — потом допоешь песню. А сейчас прими от нас подарочек.

И коты положили к ногам Жакони маленький кусок сырого мяса.

— Это тебе за то, что умеешь держать язык за зубами, — сказал Фомка.

— Спасибо. Но ведь я не ем мясо.

— Ну, знаешь, чем богаты, тем и рады. Бери!

— Только смотри — никому ни слова! — пригрозил Васька.

— А то худо тебе будет! — крикнули наглые коты и скрылись в темноте.

— Пойдите, куда же вы? — воскликнул Жаконя. — Ведь я хотел рассказать вам сказку.

Но коты не интересовались сказкой и убежали.

А Жаконя задумчиво теребил кончик своего хвоста и тихо-тихо повторял:

Эх, Жаконя, ты, Жаконя,
Удалая голова!..

КТО СЪЕЛ МЯСО?

Теперь меня вот что интересует: вы догадались или нет, что коты были не только наглыми, но к тому же ещё и очень хитрыми?

Мне кажется, что догадались — ведь вы-то наверняка умнее Жакони!

А Жаконя, ничего не подозревая, сидел себе на полу, и рядом с ним лежал кусочек мяса.

Когда настал день, Старушка пошла в кладовую и вскоре вернулась оттуда удивлённая, огорчённая и

даже сердитая — ночью исчезла баранина, из которой нужно было приготовить Папе обед! Куда она могла подеваться?

Тут только Старушка заметила, что возле Жакони, который в это утро почему-то опять очутился на полу, лежал кусочек мяса.

Старушка стала бранить Жаконю:

— И тебе не стыдно! Взял без спросу баранину, да и съел. Как я теперь буду обед стряпать? Ведь человек с работы придёт усталый, голодный... Ах ты, обезьяна! Все вокруг работают — вон какой заводяще строят! И только ты ничего не делаешь, да ещё и воруеть!.. Стыдно, голубчик, стыдно!..

Впрочем, скоро она перестала браниться и поду-

мала: «Не могла же такая малюсенькая обезьянка съесть всё мясо!.. Нет, тут что-то не так... Посоветуюсь-ка я с Чернышом — он пёс сообразительный».

Черныш деловито вбежал в избу и посмотрел на хозяйку умным и преданным взглядом.

— Хочу я узнать, Черныш, — сказала Старушка, — ел Жаконя сырое мясо или нет. Ты меня понял?

Пёс Черныш понял и, подбежав к обезьянке, обнюхал её, обнюхал рот, руки и помотал кудлатой головой, дескать, — нет, от Жакони мясом не пахнет.

ЧЕРНЫШ ИДЁТ ПО СЛЕДУ

У Черныша, как и у всякой собаки, был собачий нюх. А это значит, что Черныш умел по запаху найти любую вещь. Всё на свете пахнет по-своему: и люди, и цветы, и снег, и животные, и земля, и вода, и даже истории и дела. Вот почему мы с вами можем сказать, что та история, в которую попал Жаконя, подружившись с котами, нехорошо пахла...

И Черныш сразу почуял это.

Дело в том, что одни запахи Чернышу нравились, а другие он терпеть не мог. Например, пёс считал, что самый дивный запах у жирной похлёбки и что хуже всего пахнут коты! С котами он давно поссорился: Черныш ненавидел лодырей, а Васька, Фомка и Дымка ничего полезного не делали, даже мышей не ловили.

Обнюхивая Жаконю, Черныш сразу же учуял близости запах кошачьих лап. Почти касаясь пола своим чёрным влажным носом, пёс быстро пошёл по следам котов.

Следы вели из избы во двор, а по двору — к коровнику, где стояла Зоренька... Тут запах кошачьих лап внезапно кончился, как будто коты куда-то провалились или...

Черныш внимательно осмотрелся и заметил тонкие царапины на бревенчатой стенке коровника. Пёс мигом сообразил: коты забрались на сеновал!

КОТЫ ХОХОЧУТ

Попасть на сеновал Черныш не мог — он не умел лазать по стенкам.

И поэтому, усевшись на снег возле коровника, пёс стал караулить котов. Но коты не показывались.

Сияло солнце. Над колхозными избами прямо в небо поднимались тонкие струйки дыма. Тишина стояла на дворе, и только слышно было, как вздыхала Зоренька в своём коровнике.

Сколько прошло времени — неизвестно.

Черныш всё сидел неподвижно и уже начал слегка замерзать, как вдруг на сеновале раздался тонкий голос Дымки:

— Недурно мы ночью поели, недурно!

— Прекрасное было мясо, прекрасное, — проговорил Фомка.

— Ш-ш-ш!.. Молчите, ребята! — зашипел Васька. — Нас подслушивают!

— Кто? — удивился Дымка.

— Корова, вот кто!

— А что она понимает в наших делах? — усмехнулся Фомка.

«Ага! — подумал пёс Черныш. — Надо будет потом побеседовать с Зоренькой».

А коты продолжали разговаривать, не подозревая, что Черныш слышит их.

— Молодец, Васька! — сказал Фомка. — Ловко ты придумал подсунуть обезьяне кусок мяса.

— Ловко, ловко! — похвалил Дымка. — Все теперь думают, что это Жаконя украл мясо! Ха-ха-ха!..

— Слушайте, ребята, — сказал Васька. — Сегодня днём Старуха уйдёт в магазин за продуктами.

— Она бы, конечно, сварила щи с мясом, да ведь мясо — тю-тю! — заметил Дымка и опять засмеялся.

— Верно. Так вот, — продолжал Васька, — Старуха уйдёт, и в избе никого не останется, кроме этой глупой обезьяны...

Тут Васька заговорил шёпотом, и Черныш ничего не мог расслышать.

«Что они опять там затевают?» — думал пёс, насторожённо подняв уши.

Наконец коты заговорили громче:

— Молодец, Васька! Хорошо придумал...

— Ему сильно попадёт! — хрипло засмеялся Васька. — Но зато мы будем ни при чём!

— Вот он и перестанет скучать! Ха-ха-ха! — захохотал Фомка.

— Хи-хи-хи! — поддержал Дымка.

— Хо-хо-хо! — согласился Васька.

Услышав этот безобразный смех, Черныш от возмущения тявкнул громко и сердито.

РАВНОДУШНАЯ ЗОРЕНЬКА

Только один раз тявкнул Черныш, но и этого было достаточно: коты испугались и в ту же секунду удрали с сеновала.

Черныш не погнался за ними. Передними лапами он толкнул тяжёлую дверь коровника и очутился перед Зоренькой, которая задумчиво пережёвывала сено.

— Ты слышала, о чём шептались коты? — спросил пёс.

Корова медленно моргнула длинными белыми ресницами и нехотя ответила:

— М-м-м... кажется, кое-что слышала.

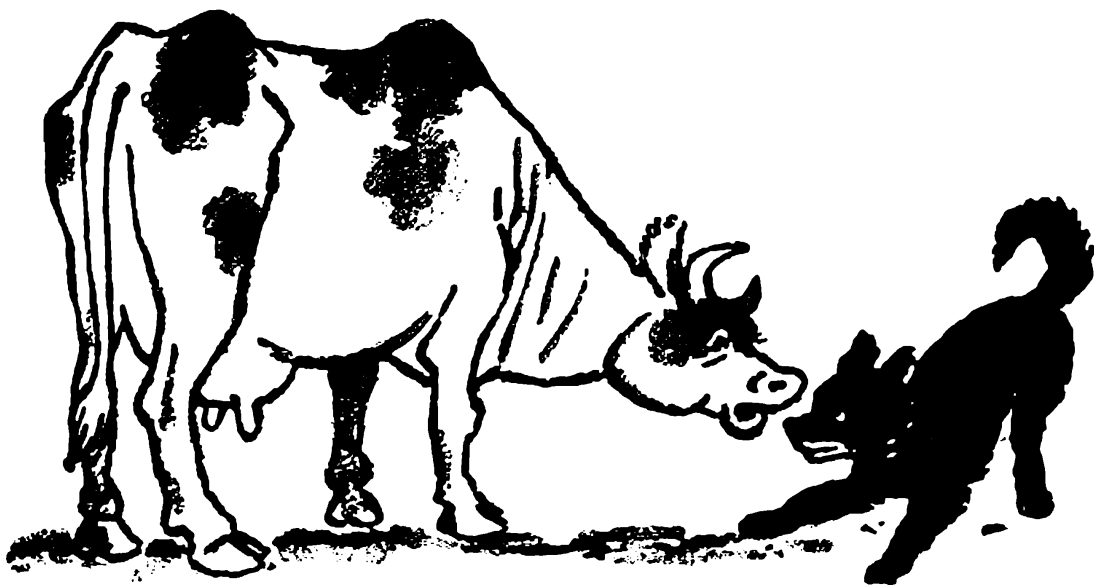
— Что же они говорили?

— Они... м-м-м... Они, по-моему, собираются украсть молоко, которое я дала Старушке.

— Ах, вот как! И что ещё?

— Потом они, кажется, говорили о какой-то обезьяне. М-м-м... Ты меня извини, я не очень внимательно слушала, потому что в этот момент размышляла.

— Интересно знать, о чём же это ты размышляла?

— О рогах. Вот как ты думаешь, Черныш, зачем у меня выросли рога, если я не люблю бодаться?

— Не знаю. Раз выросли, значит, так и надо... Ты лучше вспомни, что коты говорили про обезьяну. Это очень важно.

— Важно? — Зоренька вздохнула. Ах, Черныш, для меня самое важное в жизни — сено. И рога.

— А всё остальное тебя не волнует?

— Видишь ли, мне нельзя волноваться — у меня может испортиться молоко.

— Нельзя быть такой равнодушной коровой!.. Надо интересоваться всем, что делается на свете. И надо помогать другим, когда они попадают в беду.

— Вот если бы у тебя были рога...

— Рогов у меня нет! — разозлился пёс. — Но у меня есть зубы! И, если ты сейчас же не вспомнишь, о чём говорили коты, я тебя укушу!

— Не надо сердиться, Черныш. Я постараюсь вспомнить. М-м-м... По-моему, коты хотят украсть молоко. И при этом хотят окунуть в молоко обезьяну, чтобы люди подумали, будто это она украла...

— Разбойники! — возмутился пёс. — Ну, погодите же! Спасибо, Зоренька. Теперь мне всё ясно. Надо спешить!

Он воинственно залаял и побежал в избу.

А корова всё так же задумчиво жевала сено и думала: «Зачем мне рога, если я небодливая?»

Говорят, что она и сегодня всё думает об этом.

ЧЕРНЫШ ПРИНИМАЕТ РЕШЕНИЕ

Сердясь и негодуя, Черныш вбежал в избу. Надо было немедленно спасти обезьянку, иначе коты снова предадут её.

Старушка собиралась в магазин. На столе стояла кринка с молоком. Жаконя лежал на полу и, свернувшись калачиком, крепко спал. Конечно, спать на твёрдом полу куда хуже, чем на мягкой кровати, но Жаконя чувствовал, что он в чём-то виноват, и постеснялся попросить Старушку положить его на постель.

Васька, Фомка и Дымка уже пробрались в избу, лежали на печке и хитро посматривали то на молоко, то на Жаконю.

Старушка, ничего не подозревая, надела пальто и завязала платок под подбородком.

Черныш не раздумывал. Он понимал, что если Жакони в избе не будет, то коты не смогут безнаказанно вылакать молоко. Поэтому пёс подбежал к спящей обезьянке и, осторожно схватив её зубами, опрометью бросился из избы!..

Старушка закричала:

— Черныш! Черныш!

Куда там! Черныша и след простыл...

„КОМУ Я ЗДЕСЬ, В СИБИРИ, НУЖЕН?..“

— Коты, ко мне! — вопил Жаконя. — Коты, ко мне!

Но котов не было видно.

А пёс Черныш мчался всё быстрее и быстрее. Снег летел из-под собачьих лап. Косматая шерсть покрывалась инеем.

Чтобы немножко отдохнуть, пёс остановился и положил Жаконю на снег, рядом с собой.

— Ой-ой-ой! — закричал Жаконя. — Я простужусь и умру!

— Не умрёшь, — успокоил Черныш. — Тряпичные обезьянки от холода не умирают.

— Коты, ко мне! — звал Жаконя.

— Зря кричишь, — сказал пёс. — Котам до тебя нет никакого дела. Очень ты им нужен!

— Они мои друзья!

— Хороши друзья! — воскликнул Черныш. — Разве ты не видишь, что они разбойники и предатели: сами воруют, а тебя заставляют отвечать за них! Эх, сразу видно, что ты не обезьяна, а просто тряпка!

— Не смей так говорить!

— Скажи спасибо, что я унёс тебя сейчас из избу, а то пришлось бы тебе сегодня отвечать за украденное молоко.

— Неужели это правда? Неужели коты меня обманули?

— Ещё как!

— Что же мне делать?

— Держись поближе к людям, — посоветовал Черныш. — Дружи с теми, кто честно работает!

— Но ведь я никому не нужен здесь.

— Эх, много ты понимаешь! Здесь, в Сибири, нужен каждый, кто помогает людям жить и работать.

— Но ведь я маленький, — захныкал Жаконя. — Какая уж от меня помощь?

— И маленький может приносить большую пользу! Ну, мне нужно спешить, я тороплюсь. Поехали дальше!

И Черныш, подхватив Жаконю, побежал ещё быстрее.

«Куда он меня тащит?» — думал Жаконя.

КУДА ПРИБЕЖАЛ ЧЕРНЫШ

Деревня осталась позади.

Теперь Черныш пробежал мимо каких-то машин, подъёмных кранов, мимо брёвен, железных труб, досок, кирпичных стен... Здесь строили завод.

Рабочие-строители с удивлением смотрели на бежавшего чёрного пса:

— Смотрите, собака!

— Она что-то держит в зубах!

— Куда она бежит?

— Что ей здесь надо?

Черныш хорошо знал, куда бежит и что ему здесь надо. Он с разбегу перепрыгнул через две ямы, про-

шмыгнул в ворота, возле которых стоял сторож с ружьём и, подбежав к небольшому домику с надписью «Начальник гаража», стукнул обеими лапами в низкое, широкое окошко.

Тотчас же рядом приоткрылась дверь, и чей-то знакомый голос позвал: «Черныш, сюда!»

Пёс вбежал в жарко натопленную комнату, завилял хвостом и, разжав зубы, положил тряпичную обезьянку на колени человека в телогрейке. Потом Черныш ещё раз вильнул своим лохматым хвостом и поспешил обратно — сражаться с наглыми котами.

— Жаконя?! — удивлённо воскликнул человек в телогрейке.

Это был Папа шестилетнего Мальчика.

НА РАБОЧЕМ СТОЛЕ

Через минуту Жаконя важно сидел на Папином рабочем столе, между большой чернильницей и телефоном, который часто звонил.

Жаконя посматривал на телефонную трубку и соображал: кто она такая? Папа брал её в руку и говорил с ней то вежливо, то сердито, то о чём-то просил, а иногда даже кричал в неё.

Подумав, Жаконя решил, что телефонная трубка — Папина помощница.

За окошком то и дело слышались автомобильные гудки, шум моторов.

Папа что-то писал, подсчитывал, беседовал с трубкой, чертил карандашом на листочках твёрдой бумаги. Словом, Папа целый день работал.

В комнату приходили разные люди, от которых

одинаково неприятно пахло бензином. Папа говорил им, куда надо поехать, что привезти или что сделать.

Каждый, кто в этот день разговаривал с Папой, непременно обращал внимание на Жаконю.

— Откуда это у вас, товарищ начальник, такая забавная обезьянка? — спрашивали люди, пропахшие бензином.

А Папа отвечал:

— Это Жаконя. Его мне подарил на память сынишка.

— Скучаете без сына, товарищ начальник?

— Сильно скучаю, — говорил Папа, легонько вздыхал и ласково щурил глаза. — Всё жду не дождусь, когда же он приедет сюда. Единственное утешение — эта обезьянка: посмотрю на неё — и работаете легче...

— Не грустите! — утешали люди. — Вот к весне мы построим большой дом, вы там получите квартиру, и семья ваша приедет сюда!

Жаконя слушал эти разговоры, а сам думал...

ЖАКОНЯ РАЗМЫШЛЯЕТ

«Папа всё время работает, — размышлял Жаконя. — И все вокруг работают, все заняты делом... И только один я никому здесь не нужен. Разумеется, с котами я дружить больше не буду!.. А с кем же мне дружить? С Папой? Он занят. С девочкой Гутей? Она же считает меня глупым. Был бы здесь мой шестилетний Мальчик!.. Как хорошо мы с ним когда-то играли! Вот ему я, конечно, был очень нужен!.. А не уехать ли мне из Сибири обратно к Мальчику? Правда, говорят, что весной он сам приедет сюда. Но до весны ещё так далеко! Да, надо мне скорее ехать обратно!»

И тряпичная обезьянка решила удрать при первой же возможности.

Представьте себе, что в этот же день Жаконя убежал от Папы!

Вот как это у него вышло.

БЕГСТВО

Какой-то человек вошёл в комнату и громко сказал Папе:

— Посмотрите, товарищ начальник, как я починил грузовик.

Папа сказал:

— Подождите немножко, мне некогда.

А человек в ответ:

— Мне тоже некогда, я сейчас на станцию поеду, за цементом. Пойдёмте, товарищ начальник, вы только взгляните, всё ли в порядке, и я отправлюсь.

— Хорошо, — кивнул головой Папа. — Идёмте посмотрим на ваш грузовик.

Папа встал из-за стола, положил Жаконю в кармашек телогрейки и вышел во двор, где стояла грузовая машина.

Жаконе было тесно сидеть в кармашке телогрейки. Он выглянул оттуда как раз тогда, когда Папа залез в кузов грузовика, чтобы проверить, плотно ли там прибиты одна к другой доски.

«А ведь эта машина сейчас поедет на станцию: это же мне по пути! — сообразил Жаконя. — Надо немедленно выбраться из кармана».

Сказано — сделано. В тот момент, когда Папа слезал с грузовика, Жаконя тихонько выскользнул из кармана и улёгся в уголке кузова.

Папа ничего не заметил. Он громко сказал:

— Хорошо починили машину. Можете ехать!

Грузовик зафырчал, коротко прогудел, выехал за ворота и помчался по дороге на станцию.

...Ах, Жаконя, Жаконя! Ну куда ты поехал, отчаянная твоя головушка!

БЫСТРЕЙ КРУТИТЕСЬ, КОЛЁСА!

Приходилось ли вам ехать зимой в открытом грузовике? Если приходилось, то вы, наверное, знаете, какое это неприятное путешествие!

Жаконе было ужасно холодно. Морозный ветер забирался под красную курточку, зябли ноги, руки и мелкой-мелкой дрожью трясся проволочный хвост.

Но Жаконя храбрился и старался не думать о холоде. Чтобы как-нибудь подбодрить себя, он запел:

Эх, Жаконя, ты, Жаконя,
Удалая голова!

Ты убегаешь из Сибири,
Тебя увозит грузовик!..
Быстрее крутитесь вы, колёса,
Ведь я на поезд тороплюсь!
Хочу уехать я отсюда —
Сибирь мне вовсе не нужна!

Песня, как видите, получилась не очень-то складная, но придумать лучше Жаконя не мог. Да вы сами посудите: легко ли сочинять песню в таком положении, когда вокруг снег, мороз, ветер, а на душе ой как беспокойно!.. Голос у Жакони был тоненький-претоненький, однако его кое-кто слышал. Знаете кто? Колёса грузовика!

— Как вам нравится песня, которую сочинил этот бездельник? — спросило одно колесо у своих товарищей.

— Скверная песня! — сказало другое.

— Тут целые дни крутишься, крутишься, работаешь без устали да ещё вот помогай лодырям удирать от дела! — промолвило третье.

— А ну, проваливай отсюда! — сказало четвёртое колесо и так сильно подпрыгнуло на ухабе, что грузовик трянуло, и Жаконя, не удержавшись, вылетел из кузова прямо на дорогу.

„ЧТО Я НАДЕЛАЛ!“

Внезапное падение не причинило Жаконе особенного вреда. Охая и кряхтя, он поднялся на ноги, покрутил головой, хвостом, пошевелил руками и убедился, что всё было цело.

Жаконя огляделся по сторонам. Он был один на дороге.

Вокруг стояла суровая, вся засыпанная пушистым снегом сибирская тайга. Приближался вечер, и холодное, негреющее солнце спускалось всё ниже и ниже; скоро уже оно коснётся вершин деревьев, а потом и совсем спрячется за ними.

Жаконя вдруг понял, в какое положение попал: ведь он может замёрзнуть здесь ночью, его занесёт снегом! И тряпичная обезьянка испугалась так сильно, как никогда прежде.

«Один, без людей, в лесу! Что делать?..» — думал Жаконя, и его проволочный хвост изогнулся, как вопросительный знак.

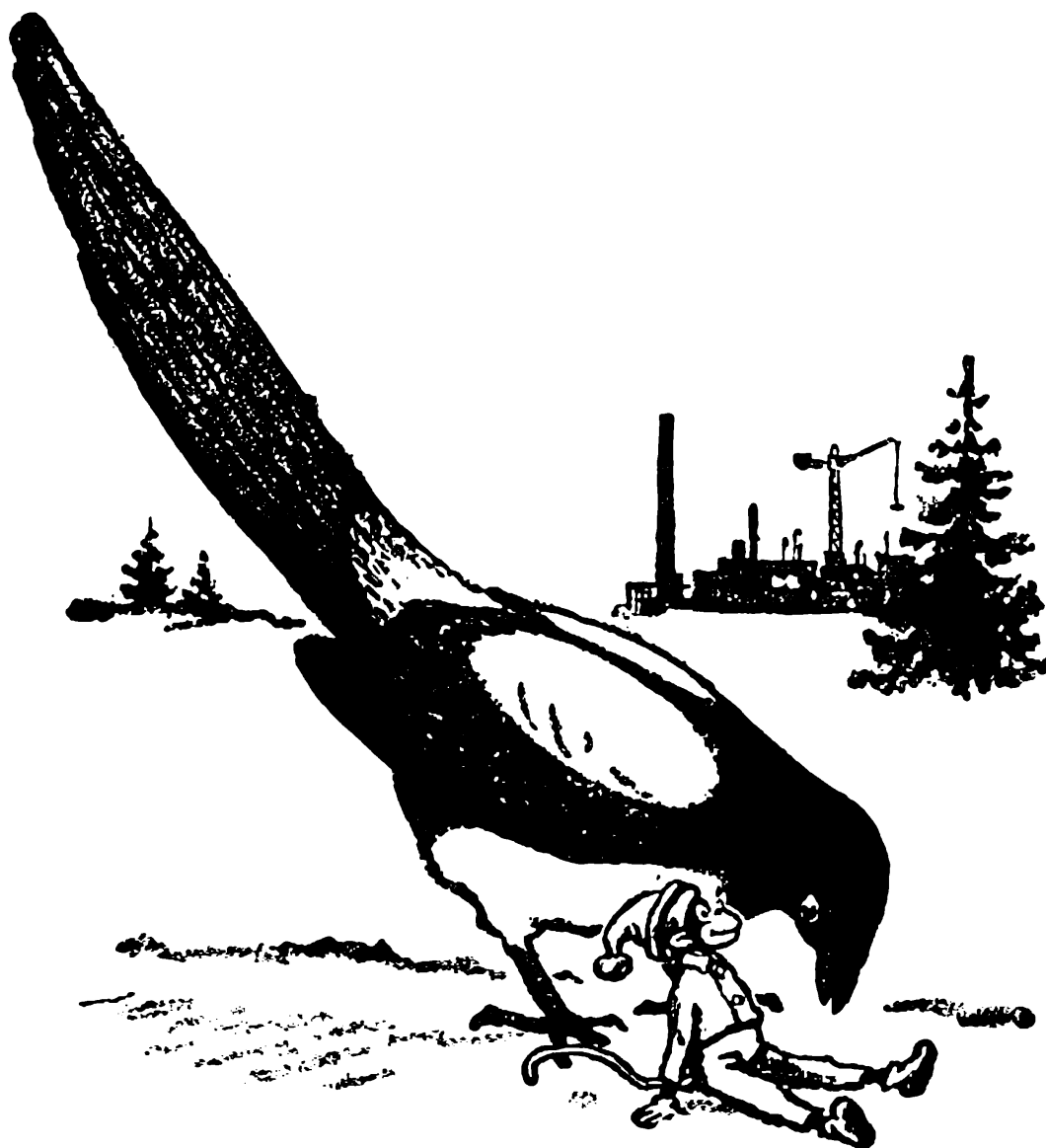
Ох, как хотелось сейчас Жаконе вернуться в тёплую избу, на мягкую кровать и чтобы рядом лежал Папа! Даже запах Папиной телогрейки, который раньше Жаконя не любил, казался ему теперь самым прекрасным запахом на свете. Наверное, сейчас Папа ищет Жаконю, советуется со своей телефонной трубкой, а глаза у Папы печальные-печальные...

— Ой, что я наделал! — застонал Жаконя. — Ведь Папе без меня будет очень скучно, он и работать, может быть, станет хуже. Ведь он так меня любил, и я был ему нужен! Ах, почему я не подумал об этом вовремя, почему не послушал этого доброго чёрного пса?! В самом деле я ещё глупый, ужасно глупый!

И в тот момент, когда Жаконя сообразил, что сделал глупость, он, незаметно для себя, стал гораздо умнее.

НОВОЕ ЗНАКОМСТВО

Вдруг послышался шелест крыльев, и возле Жако-ни на дорогу опустилась большая чёрно-белая птица с длинным, прямым хвостом.

Птица наклонила голову и с любопытством посмотрела на обезьянку чёрным глазом, потом подскочила поближе и посмотрела другим глазом.

Жаконя растерялся. Он не знал, что ему делать: птица была гораздо больше его, и драться с ней Жаконе казалось невыгодным — вон какой у неё крепкий клюв!

«Кто она такая, что ей от меня надо?» — думал Жаконя.

А птица попрыгала вокруг Жакони и неожиданно громко и очень быстро затараторила:

— Чей ты, деточка? Чей ты, деточка? Чей ты, деточка?

— Папин, — ответил Жаконя и нахмурился: ему не нравилась эта птица.

— Ты человек? Ты человек? Ты человек?

— Я обезьянка, и зовут меня Жаконя.

— Чудесно! Чудесно! Чудесно!

— А тебя как зовут?

— Вот чудак! Вот чудак! Он не знает, как меня зовут... Я Сорока-белобока, я Сорока-белобока!.. Чудак-чудак-чудак!

— Перестань, пожалуйста, трещать, Сорока. Лучше помоги мне вернуться в деревню.

— Чепуха-чепуха! Ты будешь жить у меня, в моём гнёздышке! Это чудесно-чудесно-чудесно!

С этими словами Сорока ухватила клювом Жаконю за курточку, подскочила и, взмахнув крыльями, полетела.

В Г Н Е З Д Е

На опушке леса, неподалёку от строительства завода, росла высокая сосна. На самом верху её находилось большое гнездо, сделанное из веточек, сухой травы и глины. Гнездо походило на шар, а залезали в него сбоку, через круглую дырку.

Здесь жила Сорока. Сюда она и прилетела, держа в клюве нашего путешественника.

Жаконя пролез в дырку и чуть не заплакал — в

гнезде было темно и как-то странно пахло. Наверное, Сорока не отличалась аккуратностью.

— Подожди меня, деточка, я скоро прилечу, — сказала Сорока Жаконе. — Хочется рассказать о тебе всем знакомым. — И она полетела по опушке, громко крича: — Чрезвычайно! Чрезвычайно!.. Наконец-то у меня есть сыночек! Приходите в гости посмотреть на моего сыночка!

— Разор-р-ралась, стар-р-рая тр-р-решотка! — каркнул с соседней берёзы чёрный Ворон; он был большой грубиян и терпеть не мог хвастливую Сороку, хотя она и приходилась ему какой-то дальней родственницей.

Жаконя же сидел в гнезде. Приглядевшись, он увидел, что всё гнездо устлано пёрышками, пухом, клочками шерсти и тряпочками, которые Сорока неизвестно где раздобыла.

Всё-таки здесь было теплее, чем на открытом воздухе. И, поджав под себя озябший хвост, тряпичная обезьянка задремала, утомлённая переживаниями этого дня, и даже не слышала, как вернулась домой Сорока и как наступила ночь...

Я НАУЧУ ЕГО ЛЕТАТЬ

На следующий день разные птицы слетелись к высокой сосне. Здесь были и Чижь, и Снегири, и Галки, и Воробьи, и даже чёрный Ворон — всем было интересно посмотреть на сыночка болтливой Сороки.

Последним прилетел Дятел; у него сильно болела голова после работы — ведь известно, что он добывает себе пищу головой.

Сорока вылезла из гнезда, уселась на ветку, ряхнулась, поправила клювом перья на хвосте и итворилась, будто она удивлена, видя столько стей! В глубине души Сорока жалела, что сейчас лето — тогда гостей было бы ещё больше.

— Чем-чем я заслужила такое уважение? Чем-м? — трещала Сорока.

— С-сама з-звала, — коротко ответил красногрудый Снегирь.

— Чем-чем мне вас потчевать? Чем-чем мне вас потчевать? — суежилась на ветке Сорока.

— Ничем, ничем! — отвечали птицы. — Покажи своего сыночка!

— Деточка! Деточка! — позвала Сорока, обернувшись к гнезду.

И в дырке показалась голова Жакони. Он первый раз в жизни видел такое множество птиц и от удивления быстро-быстро заморгал.

— Пре-кра-сный ребёнок! Пре-кра-сный! — сказала Галка. — Это ваш собственный?

— Я подобрала его на дороге, он совсем замерзал, бедняжка! — вздохнула Сорока.

— Так... так... — задумчиво стукнул носом Дятел.

— Он будет у вас жить? Будет здесь жить-жить? — спросили Чижи.

— Да, я буду его воспитывать, — важно промолвила Сорока. — Вы видите, что он особенный ребёнок, он не похож на ваших детей: у него нет ни перьев, ни крыльев... Но, как только наступит весна, я научу его летать так же красиво, как летаю я сама.

— Вр-раки! — каркнул чёрный Ворон. — Ер-р-рун-да!

Дятел опять стукнул задумчиво:

— Так... так...

Услышав, что его собираются учить летать, Жаконя спрятался в гнезде.

Птицы ещё немного пощебетали и улетели. Только Ворон и Дятел задержались.

— Я бы посоветовал вам отнести ребёнка к людям, — сказал Дятел Сороке. — У кого нет крыльев, того летать не научишь.

— Пр-р-равильно! — крикнул Ворон и тяжело поднялся в воздух.

— Ах, я ведь так одинока! Деточка будет для меня утешением и развлечением! — сказала Сорока.

— Так... — с сомнением ответил Дятел и тоже улетел.

В П Л Е Н У

Плохая жизнь пошла у Жакони.

Высокая сосна раскачивалась под ветром и вместе с ней качалось гнездо. Жаконя боялся вывалиться оттуда и поэтому сидел тихо и смирно.

Он не любил болтливую Сороку. Правда, она ещё не начинала учить его летать, но каждый день воспитывала, всё время приговаривая «деточка-деточка-деточка».

— Я очень-очень хочу, чтобы ты научился беззаботно порхать! — говорила Сорока. — Порхать — это так чудесно-чудесно! Ну, что ты сидишь задумавшись? Мой деточка не должен думать ни о чём! Пусть думают другие, а ты должен жить без всяких мыслей! Понял?

И, чтобы Жаконя как следует понял, что хочет Сорока, она пребольно ударяла его твёрдым клювом по макушке.

От таких «уроков» и в самом деле можно перестать думать!

— Я хочу, чтобы скорее наступила весна, чтобы ты научился летать, — продолжала Сорока. — Я хочу, чтобы ты стал в нашем лесу самой важной птицей! Ведь ты особенный! Ты исключительный! У тебя на верняка есть способности! Понял?

И она опять ударяла его клювом.

Жаконя ойкал, прикрывал голову руками и мечтал удрать от Сороки.

Он совсем не хотел быть важной птицей.

Он хотел жить вместе с людьми — с шестилетним Мальчиком, с Папой, с Гутей, которые никогда не щёлкали его по голове, а по-настоящему любили.

— Ну пожалуйста, — просил Жаконя Сороку, — отнеси меня в деревню, к моим друзьям.

— Вот чепуха-чепуха! — отвечала птица. — Чем-чем тебе здесь плохо? Я же тебя обожаю!

И она крепко прижимала тряпичную обезьяну к своим жёстким, неудобным перьям.

Когда Сорока улетала из гнезда, а улетала она часто, Жаконя просовывал голову в дырку и смотрел вниз.

Он видел, как с каждым днём всё выше вырастали стены завода, как, не обращая внимания на зимнюю стужу, бойко работали каменщики, плотники, как легко поднимали тяжести подъёмные краны, как деловито крутились колёса пробегавших грузовиков...

С восхищением смотрел Жаконя на сиявшие под солнцем ряды окон громадного пятиэтажного дома, в котором будет жить шестилетний Мальчик.

«Только мне уж там не бывать», — думал Жаконя и тихонько плакал.

Ах, как хорошо было там, на земле, среди людей!

ГРАЧИ ПРИЛЕТЕЛИ

Проходили дни, недели, месяцы...

Зима пошла на убыль. Всё реже падал снег и теплее грело солнце.

Однажды Сорока сказала:

— Деточка! Приведи себя в порядок: завтра прилетят мои родственники — грачи. Я хочу, чтобы ты произвёл на них хорошее впечатление; они очень учёные птицы, ведь каждый год они живут за границей!

Но сама Сорока, наверное, была совсем неучёная, так как не знала, что грачи вовсе не живут за границей, а переселяются зимой на юг нашей страны, где круглый год тепло.

Действительно, на следующий день грачи прилетели и громко, на весь лес, объявили, что началась весна!

„ЛЕТИ, ДЕТОЧКА!“

— Ну, деточка, — промолвила Сорока, — выбирайся из гнезда. Сейчас мы с грачами будем учить тебя летать.

Жаконя дрожа вылез из дырки.

Грачи, увидев тряпичную обезьянку, удивлённо закричали:

— Он похож на человечка!

— У него же нет перьев!

— Нет крыльев!

— Как же он полетит?

— Он разобьётся!

Жаконя стоял на самом краю гнезда. Сорока сзади подталкивала его клювом, и он уже начал терять равновесие.

— Я не хочу летать! Я боюсь!.. — жалобно крикнул Жаконя.

Но вдруг, неизвестно откуда, появился Дятел и быстро проговорил вполголоса:

— Друзья уже рядом! Так-так!.. Не трусь! Цепляйся за ветки хвостом! Так-так!..

А Сорока сзади трещала:

— Лети, деточка! Лети, деточка! Лети, деточка!..

Жаконя отчаянно замахал руками и стал падать... Но, падая, он всё-таки, по совету Дятла, зацепился хвостом за одну из нижних веток высокой сосны и повис.

Грачи кричали. Сорока трещала без умолку.

В голове у Жакони сильно шумело; он закрыл глаза. А когда открыл, то увидел...

Но, что увидел Жаконя, вы узнаете немного позднее.

ПАПА, СТАРУШКА И ГУТЯ

А пока что я хочу вам рассказать, как жили всё это время Папа, Старушка, Гутя и другие наши знакомые.

Когда Жаконя исчез, Папа сильно расстроился. Он ходил грустный и у всех спрашивал:

— Вы не видали где-нибудь тряпичную обезьянку? Маленькая такая обезьянка, в красной курточке и синих штанишках... Не видали? Ах, как досадно!

Теперь Папа стал ещё больше тосковать и работалось ему порой не так весело, как прежде. Он приходил домой, смотрел на пустую кровать, где раньше лежал Жаконя, и глаза у Папы делались грустными-грустными.

Старушка, глядя на Папу, тоже огорчалась. Она считала себя виновной в том, что пёс Черныш утащил Жаконю из дому.

А вот девочка Гутя почему-то была уверена, что Жаконя непременно отыщется.

Она говорила:

— Такая хорошенькая обезьянка совсем потеряться не может: кто-нибудь обязательно её найдёт и вернёт нам!..

КОТЫ РАЗБЕЖАЛИСЬ

Пёс Черныш окончательно поссорился с котами. Он переселился из будки на крыльцо и следил, чтобы эти разбойники близко не подходили к избе.

Коты отощали, шерсть на них торчала клочьями. Они стали драться между собой из-за каждого кусочка пищи, которую им иногда случалось раздобыть.

Дело кончилось тем, что Васька и Фомка убежали в соседние деревни, а дома остался только маленький Дымка. Воровать безнаказанно он уже не мог, и Черныш, поразмыслив, разрешил ему заходить в избу.

ЧЕРНЫШ ИЩЕТ ЖАКОНЮ

Карауля котов и сражаясь с ними, умный пёс, однако, замечал всё, что делается среди людей. Он видел, как опечалены Папа, Старушка, Гутя, как часто они вспоминают Жаконю.

И однажды — уже после полной победы над наглыми котами — Черныша подозвала к себе Гутя.

Большой гребёнкой она расчесала и привела в порядок его шерсть. Нельзя сказать, чтобы это очень понравилось Чернышу, однако он понимал, что с членом санитарной комиссии спорить не полагается.

Потом Гутя сказала:

— Черныш, ищи Жаконю! Ищи Жаконю, Черныш!

И с этого дня Черныш начал поиски. Он бегал по всем следам, обнюхивал все дороги и тропинки. Несколько раз побывал на строительстве завода. Но обезьянки нигде не было. Потерялся след Жакони... Что делать?..

ВАЖНОЕ ИЗВЕСТИЕ

И вот наступили такие дни, когда среди множества других запахов Черныш почувствовал сильный и прекрасный запах приближающейся весны.

Я затрудняюсь вам сказать точно, что было особенного в этом запахе: то ли сладко пахли почки на деревьях, то ли показавшаяся из-под снега влажная земля, то ли нагретый солнцем голубой, прозрачный воздух.

Обнюхивая каждый кустик и каждое дерево, изучая следы птиц и разных лесных зверюшек, Черныш

устал и, высунув язык, присел отдохнуть возле корней могучей, раскидистой сосны.

«Тук-тук!» — услышал он над своей головой.

И, посмотрев вверх, Черныш увидел красивую пёструю птицу с красным колпачком на голове.

Птица прицепилась к стволу дерева и упорно долбила клювом сосновую кору, вытаскивая из-под неё разных жучков и червячков.

— Ты кто? — спросил Черныш.

— Дятел, — ответила птица.

— А где ты живёшь?

— Тут-тут, в лесу.

— Послушай, Дятел, — сказал Черныш, — не встречал ли ты в лесу маленькую тряпичную обезьянку?

- В красной курточке, так?
- Да!
- В синих штанишках, так?
- Верно!!
- С четырьмя руками, так?
- Конечно!! Неужели ты где-нибудь её видел?
- Эта обезьянка живёт в гнезде у болтливой Сороки-белобоки. Так.
- Будь другом, Дятел: скажи, пожалуйста, где находится это гнездо?
- На самой опушке леса стоит высокая сосна. Приходи туда завтра утром.

ЧЕРНЫША НЕ ПОНИМАЮТ

На другое утро Черныш нетерпеливо скулил на крыльце — он поджидал Папу, чтобы позвать его к высокой сосне.

Вот скрипнула дверь, и Папа вышел из избы. Черныш радостно залаял и потянул зубами Папу за одежду, как бы желая сказать: «Идём со мной!»

Но Папа в это утро был какой-то особенный — взволнованный, весёлый, и вместо рабочей телогрейки на нём было красивое синее пальто.

Папа ласково потрепал Черныша по спине и торопливо ушёл со двора.

Тогда Черныш попробовал позвать к высокой сосне Старушку. Но та наводила порядок в доме — мыла, чистила, белила, — и ей было не до Черныша.

«Никто меня не понимает!» — подумал пёс и уже решил было один бежать на опушку, но тут вдруг пришла Гутя.

Черныш, завидя Гутю, так звонко залаял, так усердно завилял хвостом, что девочка поняла сразу: случилось что-то необыкновенное!

СКОРЕЙ! СКОРЕЙ!

Черныш бежал к высокой сосне, а за ним, едва поспевая, проваливаясь в остатки рыхлого, мокрого снега, торопилась Гутя.

По дороге их встретил Дятел. Он закричал громко и требовательно:

— Скорей! Скорей! Так, так!..

Возле высокой сосны они увидели множество чёрных грачей и болтливую Сороку, которая без устали кричала:

— Лети, деточка! Лети, деточка!..

И тут же, зацепившись хвостом за нижнюю ветку сосны, висел маленький бедный Жаконя.

СПАСЕНИЕ

И вот, когда Жаконя, повиснув на дереве, со страха закрыл глаза, а потом открыл их, он увидел прямо под собой, возле ствола высокой сосны, девочку Гутю и Черныша.

— Жаконя, милый! — закричала Гутя.

А Сорока уже нацеливалась снова ухватить Жаконю своим крепким клювом.

— Падай, обезьянка! Падай! — крикнул Черныш и так грозно залаял на Сороку, что та мигом отлетела в сторону.

Жаконя распрямил свой хвост и упал в тёплые Гутины ладони.

Девочка бережно положила Жаконю за пазуху, поцеловала Черныша в довольную лохматую морду, и все трое заторопились обратно в деревню.

А Сорока всё суетилась и болтала:

— Я мечтала летать с деточкой! Я мечтала летать с деточкой!..

Грачи смеялись над мечтами Сороки и на все лады повторяли:

— Крах! Крах! Крах!..

— Пр-р-равильно, — сказал чёрный Ворон, смотревший на них с соседней берёзы.

ШЁЛКОВОЕ ПЛАТЬЕ

Вся Сибирь в этот день хорошо прогрелась солнцем.

Из-под снега побежали весёлые ручейки; они журчали так громко, что даже в избу доносился этот хлопотливый весенний звук.

Жаконя опять, как прежде, лежал на Папиной кровати, а Гутя и Старушка стояли рядом и сокрушённо качали головой: обезьянка выглядела ужасно! Красная курточка разорвалась, штанишки расползлись по швам, шапочки совсем не было, голова была в пуху и перьях.

Всю одежду с Жакони пришлось снять. Потом Старушка вынула из сундука кусок красного шёлка с жёлтыми горошинами, и Гутя тут же сшила из этой материи платьице.

Когда платьице надели на Жаконю, он сразу стал похож на девочку.

Гутя и Старушка рассмеялись, глядя на эту «девочку», у которой из-под подола высывался длинный хвост.

И знаете, что удивительно? Хотя люди смеялись, Жаконя не обиделся на них, как это бывало когда-то. Теперь он твёрдо знал, что его главная обязанность—веселить людей, доставлять им радость!

Это и есть та самая польза, которую он будет отныне приносить людям и которой они ждут от него. Пусть небольшая, но всё-таки польза!..

Жаконе очень нравилось платье — ведь оно было такое красивое...

Но потом ему почему-то стало немножко стыдно сидеть в этом наряде на виду у всех, и Жаконя спрятался за подушку, ожидая прихода Папы. Вот будет сюрприз, когда Папа увидит обезьянку!

В избе было тепло, тихо и покойно. Жаконя, счастливый, сидел за подушкой, ждал Папу и слушал, как за окном журчала талая вода и как воробьи, перекликаясь, щебетали бессмысленную песенку:

— Чьи, чьи, чьи, чьи
По полям бегут ручьи?
— Это наши ручьи!
— А вы сами чьи?
— А мы сами ничьи.
— Значит, и ручьи ничьи!..

КАКОЕ СЧАСТЬЕ!

Внезапно птицы умолкли; послышались шаги, и в избу вошли какие-то люди. Жаконя притаился за подушкой и пока что никого не видел.

— Вот здесь я прожил зиму, — раздался голос Папы.

— А Жаконя? — проговорил кто-то голосом шестилетнего Мальчика.

— Жаконя тоже жил здесь когда-то, — ответил Папа. — Но однажды он неожиданно исчез.

— Ах, какая жалость! — слышался голос Ма-
мы шестилетнего Мальчика.

— Да, я очень грустил без него, — сказал Папа и
вздыхнул. — Ведь эта обезьянка всегда напоминала
мне о вас, мои родные! Бывало, в начале зимы, когда
работы было особенно много, я возвращался со стро-
ительства усталый, а посмотрю на Жаконю, поглажу
его и сразу же усталость как рукой снимет, и веселее
становится. Да, очень нужен был мне Жаконя, очень
помогал он мне жить...

И Папа опять вздохнул.

Слыша это, Жаконя не мог больше прятаться за
подушкой. Он стремительно выскочил оттуда, пере-
вернулся через голову, высоко подпрыгнул, хотел за-
кричать «ура!», но от волнения у него захватило дух,
и он с широкой улыбкой сел посредине кровати, рас-
топырив руки.

Вдруг он спохватился: ведь на нём платье, ведь он
похож на девочку! Его же могут не узнать в этом на-
ряде! И он на четвереньках пополз обратно, за по-
душку.

Но его узнали!

Все закричали:

— Жаконя! Жаконя! Какое счастье!

И первым бросился его обнимать шестилетний
Мальчик.

Впрочем, это был уже не шестилетний, а семилет-
ний Мальчик: за эту зиму он стал старше на целый
год.

ВСЁ ИДЁТ НА ЛАД

А через несколько дней Мальчик, Папа и Мама попрощались со Старушкой, сели в грузовик и поехали в новый дом, где теперь им предстояло жить.

Жаконя, конечно, ехал вместе с ними. Он опять был нарядно одет в новую курточку и штанишки.

Гутя и умный пёс Черныш отправились проводить наших друзей.

Весна была в полном разгаре. Снег совсем растаял. В полях за деревней рокотали тракторы. По чёрным пашням ходили важные грачи. Скворцы посвистывали возле скворечников. В синем небе плыли лёгкие, пушистые облака. Над зданием школы ребяташки приколачивали большой красный плакат: «Да здравствует 1 Мая!» — Сибирь готовилась встречать праздник.

А Мальчик, Папа, Мама, Гутя и даже пёс Черныш сидели в кузове грузовика и звонко пели:

Всё на лад идёт, друзья!
Нам грустить никак нельзя,
Если песенка вдруг зазвенела.
Ведь смеяться, и шутить,
И всегда весёлым быть —
Это тоже полезное дело!..

ДО СВИДАНИЯ, ДРУЗЬЯ!

Вот и кончается мой рассказ о приключениях Жакони.

И жалко мне с ним расставаться — уж очень полюбил я эту забавную тряпичную обезьянку, которая не понимала самой простой вещи: что каждый, где бы он ни находился, может принести людям пользу. Было бы лишь желание!

Теперь Жаконя поумнел. И, наверное, живя в Сибири, он постарается не делать больше никаких ошибок. Хотя, как знать: Сибирь велика, жизнь увлекательна, а Жаконя совсем маленький, и, может быть, с ним ещё что-нибудь приключится...

К ЧИТАТЕЛЯМ

Отзывы об этой книге издательство просит присылать по адресу: Москва, Д-47, ул. Горького, 43. Дом детской книги.

Для младшего школьного возраста

Магалиф Юрий Михайлович

П Р И К Л Ю Ч Е Н И Я Ж А К О Н И

Ответственный редактор **О. И. Романченко**, Художественный редактор **М. Д. Суховцева**, Технический редактор **Г. М. Фивег**, Корректора **В. К. Мирингоф** и **К. П. Тягельская**.

Сдано в набор 29/VII 1959 г. Подписано к печати 14/IX 1959 г. Формат 60'X 92'1/16 — 4 печ. л. (2,52 уч.-изд. л.). Тираж 100 000 экз. А08132. Цена 90 коп.

Летгиз. Москва, М. Черкасский пер., 1.

Фабрика детской книги Детгиза. Москва, Суцевский вал, 49. Заказ № 2371.

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР**

• • •

*В 1959 г. для детей младшего школьного возраста выходят
свет следующие книги современных писателей:*

Барто А. — ЗВЕЗДОЧКИ В ЛЕСУ.

Стихи о том, как отдыхают, веселятся и трудятся в лагере
октябрята

Бедарев О. — МЫ С ВИТЬКОЙ.

Повесть о двух мальчиках, которые провели лето в одном
колхозов

Бороздин В. — ГЕНКИНЫ ЯЗЫЧНИКИ.

Рассказы о ребятах, об их жизни, труде и мечтах, о сме-
потупках, о крепкой дружбе

Дурова Н. — КОТКА.

Рассказы о жизни животных в цирке, о работе дрессировщицы

Емельянова Н. и Челинцев В. — ТРУЖЕНИЦА ОКСИ.

Рассказ о маленькой трудолюбивой девочке народа коми
ее жизни на Севере

Романченко О. — ИРИНКА.

Рассказы из жизни девочки-октябренки, о том, как она
тёт и воспитывается в семье, как влияет на неё школа,
том, как она становится пионеркой

Пасько С. — СТЕПАНА.

Рассказы о детях, об их дружбе с животными

Чеповецкий Е. — НЕПОСЕДА, МЯКИШ И НЕТАК.

Весёлая сказочная повесть о приключениях трёх игрушеч-
мальчиков

Жуковская Е. — КАК НАТКА В ШКОЛЕ БЫЛА.

Рассказ о том, как маленькая девочка случайно попала
школу, познакомилась с учениками, побывала на уроке
живом уголке

Носов Н. — НЕЗНАЙКА В СОЛНЕЧНОМ ГОРОДЕ.

Роман-сказка о большом путешествии Незнайки и его дру-
в Солнечный город, об их знакомстве с жизнью города
различных приключениях, которые с ними там происходи-